

УДК 821.151.1.09.

ДЕНИСОВА Татьяна Николаевна, аспирант кафедры теории и истории литературы гуманитарного института филиала САФУ в г. Северодвинске. Автор пяти научных публикаций

ПОЭТИКА ТЕАТРА НИКОЛАЯ КОЛЯДЫ

В статье рассматривается художественное своеобразие драматургии Николая Коляды на материале его пьесы «Носатый». Объектом внимания автора становится мир героя-маргинала, экзистенциальный смысл пьесы, ее языковое пространство (уличный фольклор, присказки и т. д.). Мотивный спектр произведения составляют мотивы *одиночества, бегства* в виртуальный мир, *непонимания, хаоса*. К особенностям поэтики можно отнести обращение драматурга к архетипу Дома (Бездомья), использование образа-символа (яблоня).

Ключевые слова: *Н. Коляда, маргинальный герой, мотивный спектр.*

Николай Владимирович Коляда – один из самых «репертуарных» современных драматургов. Первая его пьеса «Играем в фанты» вышла в 1986 году. С тех пор на сценах отечественных и зарубежных театров ставятся многие его пьесы, а современные литературоведы серьезно изучают его творчество. Имя Николая Коляды связывают с драматургией «новой волны», а в его ранних произведениях видят продолжение театра Вампилова (а иногда и подражание). На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что театр Коляды состоялся как явление самобытное и уникальное. Написанная в марте 2013 года пьеса «Носатый» несет в себе все специфические черты этого театра. Драматург создал художественный мир со своими героями, языковым пространством, экзистенциальным смыслом, особой поэтикой.

Пьеса строится на диалоге двух пенсионеров – Ады Николаевны и Петра Ильича, вернувшегося из заключения, где он провел последние двадцать лет. За это время не только мир изменился до неузнаваемости, изменился и он сам, и его супруга. Ада Николаевна освоила компьютер, завела аккаунты в сетях «ВКонтакте» и «Фейсбук», у нее сотни виртуальных друзей. Супруги почти не узнают друг друга, пытаясь найти что-то общее.

В образе Петра Ильича в очередной раз предстает традиционный для драматурга герой – «маленький человек», маргинал. Так критика определяет героя Коляды. Маргинальность мыслится исследователями не только как социальный статус, но и как состояние отброшенности на обочину, исключенности из общего хода жизни. Это незащищенный, выбитый из

колеи человек, находящийся в состоянии растерянности. Его приметы, по мысли О. Гнатюка, – это «жалкая трущобная орбита, по которой он топчется, возвращаясь все к тому же исходу, вернее, к безысходу, забытый удачей, Родиной и судьбой» [1]. Такие персонажи и стали героями пьесы «Носатый». Он – бывший вор-бухгалтер, отсидевший двадцать лет; она – бывшая продавщица в газетном киоске, получающая копеечную пенсию и не узнающая супруга, которого запомнила молодым красавцем с крупным носом. Герои тотально и безнадежно одиноки, у них обоих отсутствуют какие-либо социальные связи с реальным миром. Именно поэтому Ада Николаевна уходит в виртуальный мир, где она – Зубастая, где может «дать отпор, кому хочешь», и где на аватарке выставлена ее фотография двадцатилетней давности, на которой ее «можно узнать, если напрячься». Она бежит от серой, беспросветно будничной, одинокой жизни в реальности туда, где «френды» дадут совет в любой ситуации, «будто уже жили один раз и все знают» [3]. Душную пустоту повседневности героине заменяет интернет-пространство. Она свыклась с неустроенной реальностью и даже находит повод гордиться: *«Мне всего шестьдесят, я молодая, я сижу в интернете, разбираюсь во всем, на всех форумах я самая первая, всех ругаю, со всеми ссорюсь, могу послать, кого хочешь, всех комментирую, всех “баню”, “троллю”, сижу в “аске”, со всеми общаюсь, всех могу отфотошопить, всем поперек горла уже мой “ник”»* [3]. Осознавая в какой-то степени свою никчемность и ненужность, Ада Николаевна компенсирует их придуманными «обязательствами перед френдами».

Одиночество героев Коляды, как замечала Е. Старченко, рождается во многом из-за отсутствия желания сблизиться [7]. Практически все они оказываются одиночками, и даже родственники, сосуществуя вместе, не ищут или не хотят найти точек соприкосновения. Как и в ранних пьесах («Играем в фанты», «Мурлин Мурло», «Уйди – уйди» и др.), в «Носатом» семья оказывается фальшивой. Общего между

гражданскими супругами нет ничего, кроме квартиры, куда когда-то прописал жену Петр Ильич. Даже воспоминания о прошлом у каждого из них свои, и нам не всегда понятно, какие из них реальны, а какие – выдумка:

«Ада Николаевна. *Какая лапка? Какое письмо?! Кто писал? Какая любовь?!*

Петр Ильич. *Он так любил тебя. Больше жизни.*

Ада Николаевна. *Да не было такого. Не было. Ты что пугаешь?*

Петр Ильич. *И там была подпись, последние слова: «А дочка, мне так одиноко. И так не хочется умирать. Я так люблю тебя. Я не могу без тебя жить».*

Молчание.

Ада Николаевна. *Да не было такого. Не было! Почему я этого не помню? Про кого ты рассказываешь? С кем ты там сидел в одной камере? Это сколько лет назад было? Двадцать или тридцать? Тогда компьютеров не было, электронной почты еще не было! Как он мог мне что-то писать? Про какую ты мне лапку рассказываешь?! Я ни в каком Риме никогда не была!*

Петр Ильич. *Значит, это ты – не ты»* [3].

Иллюзии, противопоставление своего, выдуманного мира чужому реальному, по мнению Е. Старченко, – одна из важных черт художественного мира драматурга [7]. Как Ада Николаевна уходит в мир виртуальный, так Петр Ильич ищет утешения в мире придуманных воспоминаний.

У героев нет общего прошлого, нет и будущего. Они существуют в обособленном настоящем, и здесь становятся крайне важны бытовые реалии, среда обитания персонажей. Действие пьесы происходит в большой московской квартире сталинской постройки. В доме грязно и неопрятно (*«мебель пыльная, до дыр протертая»*). Квартира напоминает свалку старых вещей (*«Все перевернуто. Какие-то тумбочки, этажерки, трюмо и буфеты стоят впритык, один к одному у стенок и посреди большой комнаты»*). Хаос, царящий в доме, оказывается отражением хаоса, царящего в душах героев.

Быт, как отмечал С. Моторин, – «это не событийный фон, не результат социального воздействия, даже не фактор влияния на человека, а прямое отражение его мироощущения» [6].

Разрушающемуся Дому: ветхой пыльной мебели, кровати без постельного белья, старой люстре – автор противопоставляет цветущую яблоню как символ другой жизни. Не случайно на девятнадцати страницах пьесы яблоня упомянута десять раз: она не просто символизирует надежду на другую жизнь, а сама является символом Жизни, которой нет у персонажей пьесы.

Образ яблони появляется на первой же странице («Весна. На улице под окном, за балконом, цветет яблоня»), ее вспоминают супруги на протяжении всей пьесы («Яблоня цветет. Все крыльцо в лепестках», «Яблоня тогда была в снегу, а сейчас – в цвету», «...яблоня цвела, и лепестки от яблони лежали на крыльце, будто снег»). В заключительной ремарке лепестки уже «полетели с яблони на землю, в грязь, ни во что, в никуда» [1].

Архетип Дома, включающий в себя такие концепты, как «семья», «любовь», «родина», в пьесе реализуется как Бездомье, которое критики связывают с разрушением культуры, потерей традиции, нормы [4]. Мотивы непонимания и враждебности пронизывают произведение.

Как всегда у Коляды языковое пространство пьесы наполнено, по наблюдению М.И. Громовой, «неиссякаемым потоком уличного фольклора, присказок, поговорок» [2]. Сыплет присказками Ада Николаевна: «Дора, дора, помидора, мы в саду поймали вора. Стали думать и гадать: как же вора наказать?»; «Пушкин дописался, Гагарин долетался, а ты допрыгался» [3]. Не отстает от нее и Петр Ильич: «У меня одна рука малина, другая – смерти половина, поняла?!»; «Плачь больше, меньше попишься» [3].

Но особенно герои отличаются в той брани, которой осыпают друг друга:

«Петр Ильич. Дура! Веревку зачем?!

Ада Николаевна. Затем. Обезьяна Чи-чи-чи, продавала кирпичи. За веревку дернула и тихонько п...ула.

Петр Ильич (кричит). Обезьяна ты! Клизма, знай свое место! За что ударила? Я сижу тихо, примус починая!

Ада Николаевна. Вот и починая. Помолчи, ты, жертва пьяной акушерки! Ты, конь педальный, собака два нога!» [3].

Автор подчеркивает грамматические ошибки в речи своих персонажей: форму «ложь», «ложи» Петр Ильич употребляет подряд шесть раз.

Грубая брань отражает внутреннюю опустошенность, отсутствие жизненной гармонии. В пьесе нет нецензурных слов, здесь герои балансируют на границе нормативной и ненормативной лексики. Как об одной из важных заслуг театра Коляды Н. Лейдерман говорил о «восстановлении “речевой породы” литературы для театра» [5].

На последних страницах пьесы мы сталкиваемся с отчаянным желанием Петра Ильича что-то изменить, вырваться из того мира, в котором он живет: «Может, у нас так вот тогда будет красиво, лапкой в мониторе! Так же будет! И яблоня тоже! И я стану жить!» [3]. Финал дает надежду на то, что мечта Петра Ильича осуществится.

В пьесе отразились все художественные особенности театра Коляды. Маргинальный мир обитателей пьесы проникнут ощущением непонимания и враждебности, мотив отчуждения становится основным в характеристике отношений персонажей. Яркая индивидуализированная речь героев, их одиночество и «выброшенность» из жизни – все это специфические черты творчества драматурга.

Список литературы

1. Гнатюк О. Грешник // Драматург. 1995. № 5. С. 211.
2. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М., 2005. С. 194.
3. Коляда Н.В. Носатый. URL: <http://kolyada.ur.ru/nosatyi/> (дата обращения: 16.06.13).
4. Лакишин В.Я. О Доме и Бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков) // Лит. в shk. 1993. № 3. С. 22.
5. Лейдерман Н. Маргиналы Вечности, или Между «чернухой» и светом // Совр. драматургия. 1995. № 1. С. 165.
6. Моторин С. Творчество Александра Вампилова и русская драматургия 80–90 годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 148.
7. Старченко Е. Пьесы Н.В. Коляды и Н.Н. Садур в контексте драматургии 1980–90-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 81–82.

References

1. Gnatyuk O. Greshnik [The Sinner]. *Dramaturg*, 1995, no. 5, p. 211.
2. Gromova M.I. *Russkaya dramaturgiya kontsa XX – nachala XXI veka* [Russian Drama of the Late 20th – Early 21st Century]. Moscow, 2005, p.194.
3. Kolyada N.V. *Nosatyy* [The Big-Nosed]. Available at: <http://kolyada.ur.ru/nosatyi/> (accessed 16 June 2013).
4. Lakshin V.Ya. O Dome i Bezdom'e (Aleksandr Blok i Mikhail Bulgakov) [About the Home and Homelessness (Alexander Blok and Mikhail Bulgakov)]. *Literatura v shkole*, 1993, no. 3, p. 22.
5. Leyderman N. Marginaly Vechnosti, ili Mezhd "chernukhoi" i svetom [The Marginal Person of Eternity, or Between the Horrors and Light]. *Sovremennaya dramaturgiya*, 1995, no. 1, p. 165.
6. Motorin S. *Tvorchestvo Aleksandra Vampilova i russkaya dramaturgiya 80 – 90 godov XX veka*: dis...kand. fil. nauk [Works by Alexander Vampilov and Russian Drama of the 1980s – 1990s: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2002, p. 148.
7. Starchenko E. *P'esy N.V. Kolyady i N.N. Sadur v kontekste dramaturgii 1980–90-kh godov*: dis...kand. fil. nauk [Plays by N.V. Kolyada and N.N. Sadur in the Context of the 1980s – 1990s Drama: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2005, pp. 81–82.

Denisova Tatyana Nikolaevna

Postgraduate Student, Humanitarian Institute, Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk, Russia)

THE POETIC STYLE OF NIKOLAY KOLYADA

The article deals with artistic peculiarities of Nikolay Kolyada's drama. His play "The Big-Nosed" is analyzed in terms of the marginal character's world, existential meaning of the play, and its language space (street folklore, sayings, etc.). The motive spectrum of the play includes such motifs as loneliness, escape to the virtual world, lack of understanding, chaos. Among the poetic style features of the play we can name the "Home / Homelessness" archetype and the "apple-tree" image-symbol.

Keywords: *N. Kolyada, marginal character, motive spectrum.*

Контактная информация:

адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Торцева, д. 6;
e-mail: tatyana.772011@yandex.ru

Рецензент – Николаев Н.И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске